
УДК 314.3
ББК 60.5+60.7

Регион: экономика и социология, 2014, № 2 (82), с. 116–136

ЛОВУШКА НИЗКОЙ РОЖДАЕМОСТИ В МОСКВЕ: ВЫСОКООБРАЗОВАННЫЕ БЕЗДЕТНЫЕ?

Т.М. Малева, А.О. Тындик

*Институт социального анализа и прогнозирования Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации*

Аннотация

Анализируется фактическое и нормативное репродуктивное поведение жителей г. Москвы. Показано, что высокие темпы рождаемости в Москве в значительной мере определяются миграционными притоками с периферии женщин репродуктивных возрастов. С использованием данных социологического обследования «Москва и москвичи» выявлены характер связи между уровнем образования и рождением детей и отличия по этим показателям Москвы от России в целом. Показано, что в Москве значимые масштабы приобретает явление бездетности. Самое большое влияние на снижение рождаемости оказывает рост уровня образования у женщин, а от доходов семьи количество детей почти не зависит. Вместе с ростом доли бездетных семей растет и общественная лояльность к этому явлению. «Перманентное откладывание» рождения детей – результат смещения приоритетов в пользу образования и карьеры, и оно чревато перерастанием в бездетность. Москву, с ее ориентацией на новые социальные модели поведения в демографической сфере, во многом следующие моделям поведения жителей западных мегаполисов, можно рассматривать как регион-инноватор, который со временем транслирует свои практики другим крупным городам России. Распространение феномена чайлдфри в российских мегаполисах, которые не имеют столь мощной миграционной подпитки, как Москва, может привести к нарастанию проблем, связанных с низкой

рождаемостью. В статье даются рекомендации относительно перспектив социально-демографического развития региона.

Ключевые слова: Москва, демографическая ситуация, рождаемость, эмпирические данные, образование, феномен чайлдфри

Abstract

The article analyzes actual and normative reproductive behavior of the Muscovites. It demonstrates that high birth rate in Moscow is largely determined by women of reproductive age who are migrating from province. Having used data of sociologic study entitled *Moscow and the Muscovites (Moskva i moskvichi)*, we define the character of relation between education and birth rate, as well as how the figures differ in Moscow and in Russia in whole. The paper discusses a childfree phenomenon which is spreading widely in Moscow. It is the growing women's education level that influences the most on declining birth rate, while family income practically does not affect the number of children. The more the proportion of childless families is, the less judgmental the society becomes. Constant delay in giving birth is the result of shift in priorities towards education and career fraught with childlessness. Moscow with its demographic development and a focus on new social behavior patterns, largely following those of western cities, can be considered as an innovative region that will eventually translate its practices to other major Russian cities. An expanding childfree phenomenon in Russian megalopolises which lack such a strong migration inflow (as Moscow has) may lead to aggravation of low birth rate problems. We give recommendations on further socio-demographic development of the region.

Keywords: Moscow, demographic situation, birth rate, empiric data, education, childfree phenomenon

Демографические детерминанты – низкая рождаемость и старение населения во многом задают направление и пределы социально-экономического развития страны на макроуровне. Неравномерность регионального демографического развития, а часто и разнонаправленность его векторов свидетельствуют о том, что в современной России не только сложилось устойчивое воспроизводство неравенства социально-экономического развития регионов, но и сформировались различные модели репродуктивного поведения населения [1]. Традиции

онные модели с установкой на большое число детей в семье, практикуемые в некоторых южных и алтайских регионах, соседствуют с инновационными моделями, распространяющимися в крупных городских агломерациях, для жителей которых на первый план выходят усиление конкуренции на рынке труда и обострение дилеммы «рождение или занятость?». От того, каким темпом и в каком направлении идут процессы трансформации модели рождаемости в России и ее регионах, будет зависеть демографическое будущее страны. Взвешенный подход к демографической политике возможен только при детальном изучении актуальных тенденций репродуктивного поведения населения, и прежде всего в его региональном измерении. В первую очередь это касается регионов, продвинувшихся по пути трансформации модели рождаемости. Москва, так же как и во многих других областях социально-экономического развития, в демографических координатах относится к регионам-инноваторам: в последние годы здесь наблюдаются рост рождаемости, увеличение продолжительности жизни, интенсивный миграционный приток.

Наиболее важным достижением Москвы считается рост рождаемости, который совпал с введением в действие мер демографической политики. В этой связи возникают вопросы: в чем состоят особенности модели рождаемости в Москве и вправе ли мы ожидать, что эти особенности со временем станут нормой для других территорий страны?

СВЯЗЬ МЕЖДУ ОБРАЗОВАНИЕМ И РЕПРОДУКТИВНЫМИ УСТАНОВКАМИ

В Москве наблюдается ежегодный прирост числа рождений, а с 2007 г. он особенно сильный. Ключевым фактором этого роста выступает возрастная пирамида населения, а именно то, что последние годы характеризовались наличием многочисленных поколений наиболее активных репродуктивных возрастов. Это «эхо» высокого числа рождений середины 1980-х годов. Эксперты в области демографии и народонаселения ожидают, что в ближайшее время ежегодные числа родившихся станут ниже в связи с тем, что на смену придут малочисленные поколения, рожденные в начале 1990-х годов. Эта ситуа-

ция характерна для России в целом, однако в отношении Москвы есть два немаловажных момента. Во-первых, возрастная кривая рождений здесь значительно смещена к поздним возрастам. Население Москвы характеризуется наибольшей склонностью к откладыванию рождения первенца, и это означает, что часть женщин из сегодняшних многочисленных поколений активных репродуктивных возрастов еще будет «добирать» свои рождения в ближайшие годы. Во-вторых, высокий миграционный прирост Москвы за счет юношей и девушек из других регионов России продолжит сглаживать объективное падение числа рождений.

Субъект Федерации г. Москва характеризуется самым высоким уровнем образования населения, и это важнейший фактор, определяющий как социальную, так и демографическую ситуацию в столичном регионе. Образование – один из наиболее весомых социальных факторов, дифференцирующих рождаемость. На макроуровне снижение рождаемости в странах Запада и бывших республиках СССР, происходившее в течение последних десятилетий, нередко связывают именно с ростом образованности женщин¹. Связь между получением образования и рождением ребенка имеет три направления:

- репродуктивные намерения или фактические рождения детей оказывают влияние на дальнейшие планы в отношении образования. Рождение ребенка в период обучения нередко приводит к его досрочному завершению;
- внешние детерминанты могут влиять и на образовательные, и на репродуктивные биографии;
- образование оказывает комплексное воздействие на нормативное и фактическое репродуктивное поведение.

В контексте заинтересованности властей в развитии ответственного родительства и повышении рождаемости в семьях с высоким потенциалом человеческого капитала важно понимать различия в репродуктивном поведении населения с разным образовательным уровнем. Прежде всего, образование является источником формирования даль-

---

¹ См., например, работу [2].

нейшего социально-экономического положения индивида, влияя и на возможности данного индивида на рынке труда, и на величину его потенциальных доходов. В более широком контексте образование населения выступает основополагающим фактором модернизации общества, которая приводит к изменению всего комплекса социальных норм поведения, в том числе репродуктивного.

Несмотря на то что демографическая ситуация в Москве благополучна, что следует из регулярных статистических данных, мы по-прежнему очень мало знаем о реальных процессах в этой сфере. Является ли рост рождаемости результатом изменения в репродуктивном поведении жителей Москвы? Насколько этот процесс устойчив? Действительно ли уровень образования женщин имеет столь выраженное влияние на модели репродуктивного поведения? Статистика не может ответить на эти вопросы, и на помощь приходят выборочные социологические исследования².

Репродуктивные установки, подвергаясь изменениям на протяжении жизненного пути индивида, изначально формируются в детстве и опираются на модель родительской семьи. Так называемая «ловушка низкой рождаемости»³ состоит в том, что по мере снижения числа детей в семьях начинают снижаться и репродуктивные установки у следующих поколений. На рисунке 1, где показан размер родительской семьи респондентов, видно нарастание доли тех, кто воспитывался единственным ребенком в семье: с 17% в самой старшей возрастной группе до 44,1% в группе 18–29-летних. Среди самых молодых респондентов доля выходцев из однодетных семей уже превысила долю тех, кто имеет только брата или сестру (по матери).

Обследование «Москва и москвичи» позволяет выделить уровень образования у матери респондента лишь в том случае, когда она про-

---

² Настоящая статья опирается на эмпирические данные обследования «Москва и москвичи», проведенного Институтом гуманитарного развития мегаполиса в 2013 г. по репрезентативной общегородской выборке (N = 3109). Оно позволяет проанализировать не только фактическое репродуктивное поведение москвичей, но и нормативные представления мужчин и женщин о том, сколько детей им следует иметь.

³ Концепция «low-fertility trap hypothesis» была опубликована в работе [3].

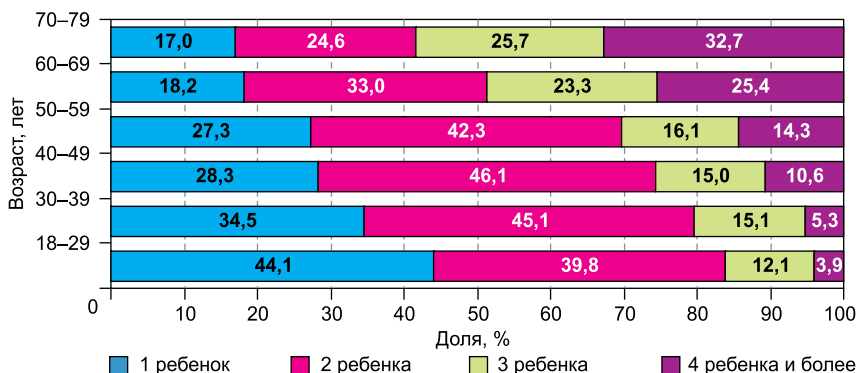

Рис. 1. Распределение семей респондентов по числу детей у их матерей в разрезе возрастных групп респондентов

живает вместе с ним в одном домохозяйстве (табл. 1). Анализ этой подвыборки показал, что чем выше уровень образования у матери респондента, тем меньше у нее было детей.

Среди респондентов с высшим образованием доля тех, у кого было не более одного брата или одной сестры, максимальна, тогда как в группах с низким уровнем образования больше представительство выходцев из многодетных семей. Считается, что от числа детей в родительской семье зависит желаемое число детей (то число детей, которое хотел бы иметь респондент при наличии всех необходимых условий). Действительно, у единственных детей выше, чем у прочих, установки на бездетность (10,9%) и однодетность (37,6%), тогда как

Таблица 1

Распределение матерей респондентов по числу детей в разрезе уровня образования матерей, % по строке

Уровень образования	1 ребенок	2 ребенка	3 ребенка и более
Начальное профессиональное и ниже	36,2	50,9	12,9
Среднее профессиональное	53,2	34,2	12,6
Высшее	67,2	27,6	5,2

Таблица 2

Распределение респондентов по желаемому числу детей в разрезе числа детей у их матерей, % по строке

Число детей у матери респондента	Желаемое респондентом число детей				
	Без детей	1 ребенок	2 ребенка	3 ребенка	4 ребенка и более
1 ребенок	10,9	37,6	38,6	11,6	1,4
2 ребенка	4,1	24,2	54,5	14,6	2,5
3 ребенка	2,6	23,2	50,3	19,4	4,5
4 ребенка и более	3,0	9,4	54,5	26,1	7,0

установки на двухдетность уже значительно ниже: 38,6% против 50–54% по остальным респондентам (табл. 2). Учитывая тот факт, что репродуктивные установки реализуются, как правило, не полностью, можно ожидать, что в дальнейшем доля однопородных и даже бездетных мужчин и женщин в Москве будет только нарастать.

Уровень образования выступает хорошим индикатором ценностных установок индивида, а получение высшего образования нередко связано с высокими карьерными устремлениями. Показателем, отражающим ценностное влияние образования на репродуктивное поведение, также служит желаемое число детей. Оно позволяет выявить на уровне установок отклонение от господствующей социальной нормы двухдетной семьи.

Следует отметить, что во избежание неверного толкования структурных эффектов необходимо учитывать различия в образовательном уровне у разных поколений. Чем шире та или иная образовательная группа, тем она разнороднее. На текущий момент это особенно актуально в отношении высшего образования, которое становится все более массовым. Среди респондентов с высшим образованием, особенно в младших и средних репродуктивных возрастах, выше доля тех, кто предпочитает остаться бездетным. При этом по сравнению с лицами со средним профессиональным образованием у них выше установки на двухдетность и ниже – на однопородность. Группа лиц 30–39 лет со

Таблица 3

Распределение респондентов по желаемому числу детей в разрезе возраста и уровня образования респондентов, % по строке

Уровень образования	Возраст, лет	Желаемое респондентом число детей			
		Без детей	1 ребенок	2 ребенка	3 ребенка и более
Начальное профессиональное и ниже	18–29	5,7	22,5	58,2	13,6
	30–39	8,1	38,5	35,2	18,1
	40–49	2,3	21,0	56,5	20,3
Среднее профессиональное	18–29	10,2	22,0	50,9	16,9
	30–39	4,6	29,8	45,0	20,6
	40–49	5,6	32,9	38,8	22,7
Высшее	18–29	12,6	16,5	57,1	13,8
	30–39	7,1	23,3	47,8	21,9
	40–49	4,3	35,3	42,3	18,0

средним профессиональным образованием демонстрирует отклоняющиеся от средних значения, но это можно считать скорее выбросом, нежели тенденцией (табл. 3). В целом нужно учитывать, что лица с образованием начальным профессиональным и ниже становятся в Москве все более узкой и маргинальной социальной группой и их поведение может значительно отличаться от поведения остальных.

Как правило, у мужчин прослеживается положительная взаимосвязь между желаемым числом детей и достигнутым уровнем образования. Здесь может сказываться эффект дохода: у мужчин экономическая отдача от образования относительно высока и, значит, выше возможности для воспитания нескольких детей. В связи с тем, что в российском обществе по-прежнему преобладает традиционное распределение ролей внутри семьи, косвенные издержки, связанные с воспитанием детей, для мужчин остаются низкими почти независимо от уровня их образования. Для женщин характерна «переверну-

тая» U-образная зависимость желаемого числа детей от достигнутого уровня образования.

Относительно новый, но, пожалуй, самый существенный феномен в модели рождаемости мегаполиса Москва – это выраженная тенденция к высокой доле окончательно бездетных, так называемый феномен чайлдфри, т.е. добровольный, осознанный и окончательный отказ людей от рождения детей. Согласно данным переписи, в Москве в поколении женщин 1970 г. рождения доля бездетных вплотную подходит к 15%⁴.

Обследование «Москва и москвичи» содержало два вопроса, позволяющих косвенно оценить отношение респондента к феномену бездетности. Первый из них подразумевал оценку респондентом того, насколько взрослый человек «может быть по-настоящему счастливым», будучи бездетным. По всем образовательным группам респондентов высока доля затруднившихся ответить: у мужчин от 14% среди имеющих высшее образование до 19,5% среди лиц со средним профессиональным образованием; у женщин эта доля несколько ниже – 10–15%. В целом, женщины традиционно более склонны поддерживать точку зрения, что «дети – необходимое условие для того, чтобы быть по-настоящему счастливым». Однако их мнения достаточно различаются по образовательным группам. Так, если среди женщин с образованием начальным профессиональным и ниже только 14,6% склонны полагать, что быть счастливым можно и не имея детей, то среди женщин с высшим образованием высказывающих такое мнение уже 20,9%. С учетом затруднившихся ответить только для примерно двух третей высокообразованных женщин дети остаются необходимым условием счастья. У мужчин оценки еще более либеральные. Вторую точку зрения поддерживают 23–29%, а с учетом затруднив-

---

⁴ Уровень бездетности в ныне рождающих поколениях в Восточной Европе составляет от 5% в Болгарии до 15% в России. В Западной и Северной Европе бездетность стабилизируется на уровне примерно 20%, а в Восточной Азии и Южной Европе бездетных женщин 25–30%. В нашей стране сегодня, по данным Федеральной службы государственной статистики, из 42 млн российских семей 48% не имеют детей, причем лишь 5 млн – по медицинским показателям [4].

Таблица 4

Оценочные суждения* респондентов** в отношении бездетности в разрезе образовательных групп, %

Уровень образования	Разделяют первую точку зрения	Разделяют вторую точку зрения	Затруднились ответить
<i>Мужчины</i>			
Начальное профессиональное и ниже	52,5	29,0	18,6
Среднее профессиональное	56,6	23,9	19,5
Высшее	60,0	26,0	14,0
<i>Женщины</i>			
Начальное профессиональное и ниже	70,4	14,6	14,9
Среднее профессиональное	73,1	17,0	9,8
Высшее	69,1	20,9	10,0

* Распределение ответов на вопрос: «Одни считают, что если у взрослого, зрелого человека нет детей, то он не может быть по-настоящему счастливым. Другие – что человек может быть по-настоящему счастливым, даже если у него нет детей. Какая точка зрения – первая или вторая – вам ближе?».

** Подвыборка респондентов репродуктивного возраста (18–49 лет).

шихся ответить 52,5–60% мужчин придерживаются традиционных взглядов (табл. 4).

Таким образом, среди столичного населения не только повышается число фактически бездетных, но и само явление бездетности становится социально приемлемым. Однако до сих пор открытым остается вопрос о том, в какой мере бездетность является добровольной, а в какой – вынужденной. Под вынужденной бездетностью мы понимаем как физическую невозможность иметь детей, так и декларирование нежелания их иметь под влиянием сложившихся жизненных обстоятельств. Для ответа на этот вопрос мы использовали подвыборку бездетных респондентов 18–49 лет. Бинарная логистическая регрессия

Таблица 5

Результаты логистического регрессионного анализа факторов, влияющих на установку на бездетность

Фактор	<i>B</i>	Exp(<i>B</i>)
Женщины		1*
Мужчины	0,353	1,423*
18–29 лет		1***
30–39 лет	–0,328	0,720
40–49 лет	1,067	2,907***
3 ребенка и более в родительской семье		1**
2 ребенка в родительской семье	0,690	1,994*
1 ребенок в родительской семье	1,059	2,882***
Имеет опыт совместного проживания с партнером		1
Нет опыта совместного проживания с партнером	0,037	1,037
Начальное профессиональное образование и ниже		1*
Среднее профессиональное образование	0,676	1,967*
Высшее образование	0,718	2,050**
Средний и низкий уровни дохода		1
Высокий уровень дохода	0,350	1,419*
Мнение: «Человек не может быть счастливым без детей»		1***
Мнение: «Затрудняюсь ответить, можно ли быть счастливым без детей»	0,036	1,037
Мнение: «Человек может быть счастливым, даже если нет детей»	0,637	1,891***
Место рождения за пределами Москвы		1*
Место рождения – Москва	0,572	1,773*
Мнение: «Брак нужно регистрировать сразу»		1*
Мнение: «Сначала нужно пожить год-два, а потом регистрировать брак»	0,001	1,001

Окончание табл. 5

Фактор	<i>B</i>	Exp(<i>B</i>)
Мнение: «Официальная регистрация брака не обязательна»	0,646	1,908**
Nagelkerke R-squared	0,159	
Log likelihood	-348,5	
χ^2 (df), значим на $p < 0,01$	84,1 (14)	
Число наблюдений в модели	815	

* $p < 0,1$.** $p < 0,05$.*** $p < 0,01$.

оценивала желание респондента когда-либо иметь детей; зависимая переменная принимала значение 0, если респондент детей хотел, и 1 – если нет. В целом, среди бездетных респондентов 17% ответили, что не хотели бы иметь детей⁵. В качестве независимых переменных выступали пол, возраст респондента, а также его социально-экономические характеристики и установки в отношении феномена бездетности и регистрации брака (табл. 5).

Направления влияния статистически значимых факторов хорошо согласуются между собой. Если респондент – мужчина, то шансы, что он будет высказывать установки «чайлдфри» выше, чем если респондент – женщина (в 1,4 раза). Факт рождения в столице повышает шансы иметь установки на бездетность в 1,8 раза, а наличие относительно высокого уровня дохода (по субъективной оценке) – в 1,4 раза. Значимое влияние оказывают отсутствие братьев и сестер (повышает шансы в 2,9 раза), наличие среднего или высшего профессионального образования (в 2 раза). Склонность к суждениям «брак регистрировать не обязательно» и «человек может быть счастливым, не имея детей» также значимо повышает шансы на нежелание иметь детей (и то,

⁵ Для сравнения: по данным обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» в целом по России доля таковых колеблется на уровне 5–6%.

и другое – в 1,9 раза). Наличие опыта совместного проживания с партнером (партнершей) или супругом (супругой) при контроле прочих факторов не оказывает статистически значимого влияния.

Однако отметим, что наибольший эффект имеет принадлежность к старшей возрастной группе. По сравнению с младшей группой при контроле прочих факторов принадлежность к старшей повышает отношение шансов в 2,9 раза. Это означает, что чем меньше реальных возможностей завести детей, тем больше проявляется склонность к оправданию фактической бездетности ценностными установками. Другими словами, не родив в молодом возрасте по тем или иным причинам, далее люди интерпретируют свою бездетность как собственное рациональное решение, но не факт, что это истинно добровольная бездетность. Это также означает, что нынешнее поколение бездетных еще не «настоящие чайлдфри», но движение в эту сторону в Москве уже началось. Важно, что происходит дальнейшее распространение установок на бездетность на более молодые поколения, и среди них доля чайлдфри может вырасти⁶.

Как было показано выше, респонденты, родившиеся за пределами Москвы, реже имеют установку на бездетность. Следует отметить, что молодые приезжие (в подавляющем большинстве внутренние мигранты) в целом отличаются более высокими репродуктивными установками. По сравнению с коренными москвичами они реже высказывают установки на однодетность, чаще – на многодетность. Более молодая возрастная структура приезжих предполагает, что они обладают высоким репродуктивным потенциалом. Несмотря на то что переезд и рождение детей – конкурирующие события, приезжие демонстрируют более высокие показатели детности по сравнению с москвичами (табл. 6). Таким образом, молодые внутренние мигранты способны оказывать постоянное позитивное воздействие на режим естественного воспроизводства населения в Москве.

Между тем интрига в отношении «новых москвичей» далеко не раскрыта. Всегда ли их репродуктивные планы превращаются в ре-

---

⁶ В Москве чайлдфри среди тех, кто не имеет детей, – 21% мужчин и 14% женщин [5].

Таблица 6

**Распределение респондентов по желаемому числу детей в разрезе
длительности проживания в Москве, % по столбцу в подгруппе**

Возраст, лет	Число детей	Длительность проживания в Москве		
		Всю жизнь (родился в Москве)	Более 10 лет	10 лет и менее
20–29	Без детей	13,0	6,6	3,7
	1 ребенок	19,2	18,1	16,6
	2 ребенка	56,1	51,2	55,2
	3 ребенка и более	11,7	24,1	24,4
30–39	Без детей	6,9	5,6	3,2
	1 ребенок	30,8	16,2	11,3
	2 ребенка	45,8	47,0	43,8
	3 ребенка и более	16,4	31,2	41,7
40–49	Без детей	4,5	2,2	1,4
	1 ребенок	32,3	20,5	20,5
	2 ребенка	46,7	49,1	52,2
	3 ребенка и более	16,5	28,2	25,9

альное репродуктивное поведение? Не происходит ли быстрое освоение молодыми провинциалками столичных стандартов и социальных норм? Все ли рожденные в Москве дети становятся москвичами? Например, студентки, обучающиеся в Москве и родившие детей, после завершения учебы вместе с детьми могут покинуть столичный регион и вернуться в регион выбытия. Коль скоро есть поколенческая связь между репродуктивным поведением людей, значит ли это, что дети «новых москвичей», как и их родители, также и в будущем склонны к большему числу детей, чем «москвичи со стажем»?

Эти и другие вопросы – предмет дальнейших исследований, но они уже сейчас имеют прямое отношение к демографическому будущему Москвы.

СВЯЗЬ МЕЖДУ ОБРАЗОВАНИЕМ И ФАКТИЧЕСКИМ РЕПРОДУКТИВНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Многочисленные эмпирические исследования не дают однозначного ответа на вопрос о форме зависимости между уровнем образования и фактическим репродуктивным поведением. Многие из них показывают, что высокообразованные женщины имеют меньшее число детей. Однако существуют также свидетельства и противоположной связи (в Великобритании, США, Норвегии и других странах⁷). Исходя из результатов анализа культурных и институциональных особенностей ряда стран есть основания полагать, что негативное влияние уровня образования на репродуктивное поведение населения проявляется чаще в тех странах, где издержки рождения и воспитания детей для женщин выше.

Согласно московским данным, среднее число детей, рожденных женщинами с высшим образованием, ниже по сравнению с числом детей, рожденных женщинами с другим уровнем образования (табл. 7). Среди мужчин средних возрастов самое меньшее число детей у тех, кто имеет образование начальное профессиональное и ниже. Однако в Москве это достаточно маргинальная группа, она может просто «не котироваться» на брачно-семейном рынке.

Если в отношении связи уровня образования и числа детей дискуссии продолжаются, то в отношении влияния образования на возраст деторождения все проще: чем выше уровень образования, тем позднее происходит рождение первого ребенка. В рамках теории жизненного пути это объясняется конкуренцией событий и стремлением отложить рождение как минимум до окончания учебы [7, 8]. Касается это в первую очередь женщин, тогда как для московских мужчин зависимость носит U-образный характер (рис. 2). Среднее профессиональное образование «добавляет» у женщин почти год к среднему возрасту первого рождения, а высшее образование – уже два года.

Исходя из данных о желаемом и фактическом числе детей можно говорить о том, что лица с высшим образованием демонстрируют наи-

---

⁷ См. подборку исследований в работе [6].

Таблица 7

Распределение респондентов по общему числу рожденных детей в разрезе пола, уровня образования и возраста респондентов, % по строке

Уровень образования	Возраст, лет	Общее число рожденных детей				В среднем
		Нет детей	1 ребенок	2 ребенка	3 ребенка и более	
<i>Мужчины</i>						
Начальное профессиональное и ниже	До 49	57,9	23,0	16,9	2,2	0,64
	50 и старше	8,7	31,6	48,5	11,2	1,64
Среднее профессиональное	До 49	40,2	44,2	11,2	4,4	0,80
	50 и старше	9,2	44,9	36,5	9,4	1,48
Высшее	До 49	45,5	36,0	16,6	2,0	0,76
	50 и старше	7,3	41,4	46,7	4,6	1,49
<i>Женщины</i>						
Начальное профессиональное и ниже	До 49	34,2	36,0	21,0	8,8	1,06
	50 и старше	8,9	33,6	50,3	7,3	1,58
Среднее профессиональное	До 49	24,8	46,1	25,4	3,7	1,08
	50 и старше	6,5	40,6	45,1	7,8	1,55
Высшее	До 49	37,9	46,9	13,6	1,7	0,79
	50 и старше	9,6	49,0	37,9	3,5	1,35

большее расхождение между ними (рис. 3). Тот факт, что желаемое число детей в зависимости от уровня образования меняется не столь сильно, как фактическое, указывает на разницу в культуре контрацептивного поведения и в отношении к незапланированным беременностям

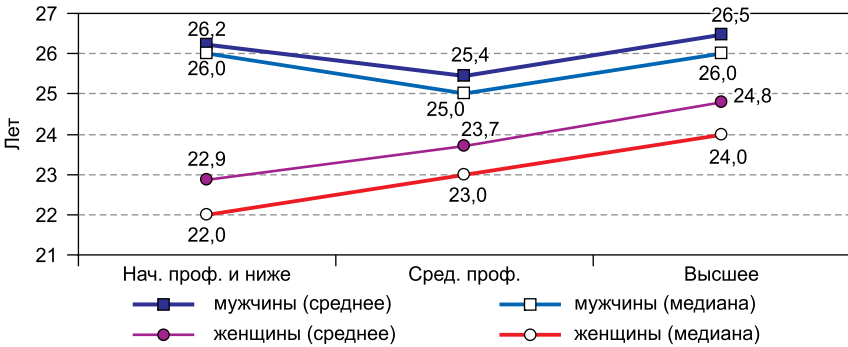

Рис. 2. Возраст рождения первого ребенка в разрезе пола и уровня образования респондента

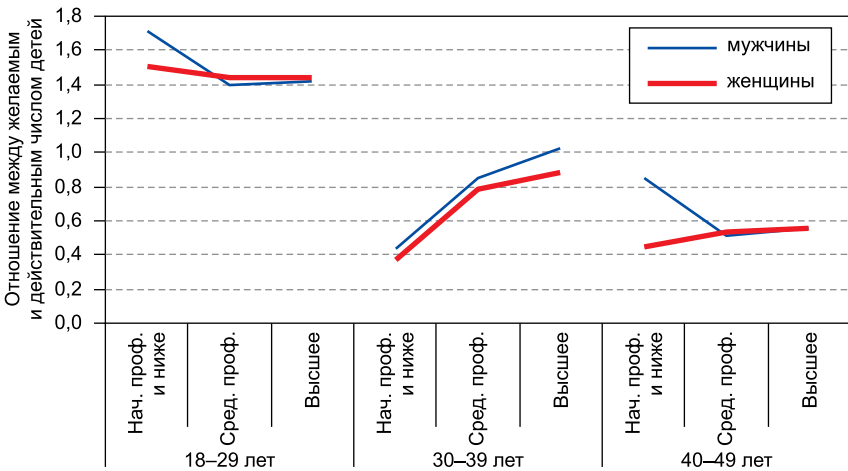

Рис. 3. Разрыв между желаемым и имеющимся числом детей по полу, возрасту и уровню образования респондента

тям. Более образованные мужчины и женщины лучше планируют рождение детей, в частности чаще используют современные методы контрацепции и реже прибегают к такому методу регулирования рождаемости, как аборт [9].

* * *

За статистически фиксируемой позитивной демографической динамикой в Москве, и особенно за динамикой рождаемости, кроются сложные и порой противоречивые тенденции в репродуктивном поведении жителей мегаполиса. Специальное социодемографическое обследование «Москва и москвичи» показало, что репродуктивное поведение населения Москвы имеет отличительные особенности, в том числе это касается влияния уровня образования. Для России в целом характерны довольно единообразное поведение лиц с начальным и средним профессиональным образованием и резкий отрыв группы лиц с высшим образованием. В Москве, с ее более широкой группой высокообразованных, такого уже не наблюдается. Эта категория мужчин и женщин становится все более разнородной, и отличия нужно искать в разрезе специальностей или статуса высших учебных заведений. Они могут наблюдаться уже на уровне «московский вуз – провинциальный вуз», но проверить данную гипотезу на имеющемся материале нельзя. У нас есть основания полагать, что для Москвы более сильным фактором может оказаться уровень востребованности специальности на рынке труда. В то же время все острее проявляются отличия в поведении лиц с низким уровнем образования – начальным профессиональным и ниже. Эта категория среди лиц молодых и средних возрастов становится все меньше и постепенно маргинализируется.

Москва давно отличается самой «старой» рождаемостью в стране. Однако сегодня в регионе значимые масштабы, сопоставимые с такими в некоторых крупных западных городах, приобретает явление бездетности. Вместе с ростом доли бездетных растет и общественная лояльность к этому явлению. Можно утверждать, что среди московского населения она пока не норма, но социально допустимая жизненная позиция. И нельзя исключать опасного расширения феномена чайлдфри и превращения его в одну из социальных норм репродуктивного поведения жителей мегаполиса. Результаты исследования феномена бездетности показывают явные провалы современной демографической политики, ориентированной на стимулирование вторых и последующих рождений, в то время как для значительных по численности социальных групп, видимо, стоит вопрос о первых рождениях. Если не будет первых рождений, то стимулирование вторых и третьих не даст должного результата. Перед демографической поли-

тикой, таким образом, появились новые вызовы, связанные с урбанизацией и ростом образованности населения. Без учета этих факторов все труднее и труднее будет стимулировать рост рождаемости, опираясь на материальные и денежные стимулы, на которые в первую очередь опиралась демографическая программа последних лет.

Что можно противопоставить росту феномена бездетности? Прежде всего необходимо обратить внимание на информирование населения о репродуктивном здоровье. Процесс откладывания начала деторождения в России быстро набирает обороты. При этом низкая репродуктивная культура российского населения сказывается в том, что женщины, решающие родить ребенка после 30 лет, впервые обращаются в женские консультации и только тогда обнаруживают проблемы с репродуктивной функцией. Нераспространенность вспомогательных репродуктивных технологий также препятствует реализации их намерений. «Перманентное откладывание» рождения детей, свойственное людям с высшим образованием, – это не просто результат смещения приоритетов в пользу образования и карьеры. Оно чревато перерастанием в бездетность, которая часто интерпретируется людьми как добровольное решение, но реальной ее причиной является то, что эти люди не успели родить детей в более молодых возрастах. Бездетность такого рода можно также предотвратить широкой программой информирования населения о репродуктивном поведении и опасностях чрезмерно длительного откладывания рождений.

Информирование о рисках – важный, но не единственный инструмент демографической политики. Более полная реализация репродуктивных установок населения из разных образовательных групп возможна за счет осуществления политики, отвечающей интересам каждой из них. Женщины с высоким уровнем образования и ориентированные на карьеру (особенно те, кто уже на момент рождения ребенка занимает руководящие позиции), зачастую не полностью используют даже оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до полутора лет. И если проблема обеспечения местами в детских садах детей от трех лет в Москве практически решена, то совсем иначе обстоят дела с возможностью устройства детей в ясельные группы с полутора или двух лет, – уже сегодня явно выражена неудовлетворенность потребности москвичей в «ранних яслях».

Откладывание рождений для женщин, ориентированных на образование и карьеру, – долгосрочная и глобальная демографическая тенденция, уже проявившаяся в большинстве западных стран. Москва, судя по всему, движется по аналогичной траектории. Бессмысленно противодействовать глубинным изменениям в социальных и демографических стратегиях людей, добровольно делающих выбор относительно того, сколько иметь детей и когда. Однако целесообразно содействовать более ранним рождениям в тех случаях, когда женщины хотели бы родить ребенка раньше, но не могут реализовать свои намерения из-за многочисленных барьеров, как то: конфликт между занятостью (учебой) и уходом за ребенком, отсутствие жилья и социальной инфраструктуры, низкий уровень доходов и проч. В этом отношении любые действия по устранению таких барьеров будут способствовать росту числа рождений.

Высокие темпы рождаемости в Москве в значительной мере обусловлены мощными миграционными притоками в столицу молодых женщин с периферии, т.е. статистический московский бэби-бум – результат «импорта» в Москву женщин репродуктивных возрастов. Одновременно это означает «недорождение» детей в регионах выбытия: если бы молодые женщины оставались в своих регионах, эти рождения «достались» бы периферийным территориям. В настоящее время такие регионы теряют дважды: сегодня это сокращение нынешней численности экономически активного населения, через полтора десятилетия – следующего поколения. И это не что иное, как фактор дальнейшего воспроизводства и усугубления неравномерности демографического и, как следствие, социально-экономического неравенства в региональном развитии. В то же время влияние регионов на демографическое развитие Москвы потенциально может иметь и обратный вектор. Москву, с ее ориентацией на новые социальные модели поведения, во многом следующие моделям поведения жителей западных мегаполисов, можно рассматривать как регион-инноватор, который со временем транслирует свои практики другим крупным городам России. Однако в российских мегаполисах, которые не имеют столь мощной «миграционной подпитки», как Москва, распространение феномена чайлдфри может привести к нарастанию проблем, связанных с низкой рождаемостью.

В настоящий момент нет оснований утверждать, что в остальной части России процессы, характерные для Москвы, уже начались. Но, возможно, их зачатки можно будет найти в других крупнейших городах, прежде всего во втором по численности населения городе страны Санкт-Петербурге (с его традиционно поздней и низкой рождаемостью) и третьем по численности Новосибирске. Если растущий уровень образования – причина такого рода изменений, то эти модели репродуктивного поведения жителей названных мегаполисов также могут пойти по траекториям, характерным для сегодняшней Москвы. И ответ на соответствующий вопрос требует проведения глубоких региональных, межрегиональных и сравнительных исследований.

Литература

1. **Независимый** институт социальной политики. Социальный атлас российских регионов. – URL: <http://www.socpol.ru/atlas/overviews/demography/index.shtml#indicators> (дата обращения 11.02.2014).
2. **Angela L., Thévenon O.** Does economic development drive the fertility rebound in OECD countries? // INED Working Paper. – 2010. – No. 167. – P. 1–45.
3. **Lutz W., Skirbekk V.** Policies addressing the tempo effect in low-fertility countries // Population and Development Review. – 2005. – No. 31 (4). – P. 699–720.
4. **Селивинова Е.** Чайлдфри: без паники. Социологический взгляд. – URL: http://www.inspp.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=246&Itemid=1 (дата обращения 01.09.2010).
5. **Бездетность** становится социально приемлемой. – URL: http://www.mn.ru/society_sociology/20130315/339963834.html (дата обращения 20.02.2014).
6. **Tavares L.P.** Who delays childbearing? The relationships between fertility, education and personality traits // EconPapers. – 2010. – No. 9. – P. 1–39.
7. **Blossfeld H.P., Huinink J.** Human capital investments or norms of role transition? How women's schooling and career affect the process of family formation // American Journal of Sociology. – 1991. – V. 97, No. 1. – P. 143–168.
8. **Kreyenfeld M.** Time-squeeze, partner effect or self-selection? An investigation into the positive effect of women's education on second birth risks in West Germany // Demographic Research. – 2002. – V. 7, No. 2. – P. 15–48.
9. **Сакевич В.И.** Особенности внутрисемейного контроля рождаемости в России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. – М.: НИСП, 2009. – Вып. 2. – С. 119–138.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 03.03.2014 г.

© Малева Т.М., Тындик А.О., 2014